

О категории падежа существительных

© Е. М. РУЧИМСКАЯ,
кандидат педагогических наук

В статье рассматривается категория падежа русских существительных: шестипадежная и восьмипадежная системы. Автор показывает отличие функции категории падежа класса существительных от функции категории падежа класса прилагательных. Затрагивается проблема звательного падежа. Делается вывод, что, несмотря на разнообразие значений, падеж вполне реален.

Ключевые слова: русский язык, существительное, падеж, шестипадежная система, восьмипадежная система, звательный падеж.

The article is devoted to case category of Russian nouns. Sixcase and eightcase systems are examined. It is shown the difference between function of noun's category of case and function of adjective's category of case. Vocative case is also touched. The author comes to the conclusion that case is real in spite of various meanings.

Key words: russian, noun, case category, sixcasesystem, eightcasesystem, vocative case.

Класс существительных в русском языке обладает категорией рода, числа, падежа.

Категория падежа является одной из важнейших категорий русского языка. Обычно считается, что она образуется шестью граммемами: *И* (именительный падеж), *Р* (родительный падеж), *В* (винительный падеж), *Д* (дательный падеж), *Т* (творительный падеж), *П* (предложный падеж).

Для большинства существительных это действительно так. Однако есть некоторые неодушевленные существительные мужского рода, для которых существует восьмипадежная система. Сравним *Р* существительного *квас*: «нет кваса», «выпить квасу». Сравним *П* существительного *лес*: «думаю о лесе», «нахожусь в лесу». В.И. Борковский и П.С. Кузнецов называли два добавленных падежа этих немногочисленных существительных «количественно-определятельный» (отличный от родительного) и «местный» [1]. Другой, отличный от последнего, падеж, иногда называют «изъяснительным» (предложным являются оба

падежа, как местный, так и изъяснительный, так как они употребляются только с предлогами; обычно это обстоятельство подчеркивается в учебниках, например, [2, 3]). Количественно-определятельный падеж называют также «количественно-разделительным» [4. С. 174–175] и «родительным партитивным» [5].

Однако основной можно считать шестипадежную систему склонения: ведь восьмипадежная система характерна лишь для небольшого числа существительных. Так что можно говорить, что существительные, фактически имеющие восемь падежей, имеют в *Р* и *П* ед.ч. варианты флексии (например, *квас-а/у*, *лес-е/ю*). От вариантов флексий *Т-ей/ью* (*дядей/дядею*), *-ёй/ёю* (*бадьёй/бадьёю*), *-ой/ою* (*головой/головую*) эти варианты флексии будут отличаться тем, что выбор вариантов флексий *Т* зависит лишь от стиля, а выбор вариантов флексий *Р* и *П* – от стиля, семантики и синтаксиса.

Поскольку теперь все чаще исследуется не только язык, но и речь (это отмечают многие лингвисты, в частности, К.М. Сайфеева [6]), стоит обратить внимание на то, что в речи намечается новый падеж – звательный. Впрочем, он не совсем новый, а возрождаемый хорошо забытый старый. Он существовал в старославянском языке, и некоторые формы звательного падежа сохранились в церковнославянском языке («Господи», «Боже», «Отче» и т.д.), а некоторые перешли через церковнославянский в современный русский («Господи», «Боже»). В современном русском языке звательного падежа нет, но обратим внимание, что в речи мы опускаем флексию, когда обращаемся к собеседникам: «Миш», а не «Миша»; «Ань», а не «Аня». Так что можно говорить о намечающемся звательном падеже в русском языке, который в будущем, возможно, станет полноправным в падежной системе русского языка, и тогда можно будет говорить о семипадежной или девятипадежной (с учетом необычных *Р* и *П*) системе русского языка.

Функция категории падежа существительных резко отличается от функции категории падежа прилагательных. Если у существительных форма падежа выражает их отношение к другим словам в предложении, то у прилагательных форма падежа указывает на их отношение к определяемому существительному или местоимению, т.е. показывает, в каком падеже стоит определяемое ими существительное или местоимение.

Категория падежа относится к тем грамматическим значениям, которые не отвечают непосредственно идеям, имеющимся в сознании носителей языка. Если, к примеру, граммема множественного числа очевидно связана с понятием «множественности», то с чем ассоциируется понятие творительного падежа, реализующееся в следующих предложениях, приводимых в качестве примера Р.О. Якобсоном: он ел *ребенком* икру, он ел *пудами* икру, он ел *ложкой* икру, он ел *дорогой* икру, он ел *отрам* икру, он ел *грешным делом* икру [7]?

Конструктивный характер падежей русского языка А.В. Гладкий предлагал подтвердить следующим мысленным экспериментом. Представим себе группу носителей русского языка, которые договорились употреблять из существительных только одушевленные мужского рода. Лингвист, изучающий такой «язык», конечно, выделит в нем только пять падежей: *И, Р-В, Д, Т, П*. Далее вообразим, что другая группа носителей русского языка употребляет лишь существительные женского рода I склонения и только в единственном числе. В этом случае лингвист выделит также пять падежей: *И, Р, Д-П, В, Т*. Если же еще в одной группе носителей русского языка договориться употреблять лишь существительные III склонения, то лингвист, изучающий такой «язык», разумеется, не различит *Р, Д* и *П* падежи [8].

А между тем, несмотря на все разнообразие значений падежей, падеж – это нечто вполне реальное. В его формах, как отмечал В.В. Виноградов, «отражается понимание связей между предметами, явлениями, действиями и качествами в мире материальной действительности» [4. С. 167]. Р.О. Якобсон писал: «Каково бы ни было разнообразие семантических вариаций, зависящих от чисто синтаксических и лексических условий, все же единство падежа остается реальным» [6]. И действительно, частные значения могут быть в падеже приведены к общему знаменателю. Наиболее последовательно это сделано Р.О. Якобсоном в его работе «Морфологическое наблюдение над славянским склонением».

В этой работе ученый указывал также на то, что ни одна парадигма русского языка не различает все шесть падежей. Некоторые пары падежей совпадают по форме гораздо чаще, чем различаются. Такова, например, пара *именительный – винительный*. Среди существительных, выполняющих функцию *И* или *В*, 76% составляют такие, у которых формы *И* и *В* совпадают. Может показаться, что совпадение различных падежей должно приводить к затемнению синтаксических связей в предложении. Такие случаи, действительно, возможны. В качестве примера Е.В. Падучева приводит предложение из газетного текста: «Справедливые жалобы трудящихся также вызывают необоснованные требования излишних справок при поступлении в учебные заведения, ясли и детские сады» [9]. Так жалобы вызывают требования или требования вызывают жалобы? Автор предложения не учел, что вообще-то не регламентированный в русском языке порядок слов при совпадении форм *И* и *В* становится регламентированным: предложения «Весло задело платье» и «Платье задело весло» имеют разные значения. В результате получилась синтаксическая омонимия. Однако примеры такого рода довольно редки.

Как указывал Р.О. Якобсон, разные типы склонения различают от двух до пяти падежей. Столь широко распространенная нейтрализация падежей и является, главным образом, причиной того, что флексии скло-

няемых классов ослабляют свою значимость и приобретают все более и более формальный характер.

Развитие предлогов и предложных сочетаний ослабило роль флексий. В современной грамматической системе русского языка флексия, по сравнению с предлогом, наименее связана с падежным значением. Особенно это заметно в говорах. Так, Г.В. Денисевич отмечала: «В современных русских говорах флексии во многих случаях = лишь формальный показатель падежной модели, как например: от хаты – от хати – от хате – от хатя и т.п.» [10]. Превращение флексии в формальный показатель падежной модели нашло яркое выражение в столь широко распространенном среди склоняемых классов явлении, как омонимия флексий.

Рассмотрение этого сложного явления может послужить темой отдельной статьи.

Литература

1. Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. М., 1965. С. 187.
2. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык / Под ред. Н.С. Валгиной: Учеб. для вузов. М., 2002. С. 168, 170.
3. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. М., 2003.
4. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947.
5. Пете И. Родительный партиципный падеж в современном русском языке. Scando-Slavonica. XI. 1965. С. 186–197.
6. Сайфеева К.М. Этикетные формулы: десемантизация и новые смыслы // Русская речь. 2015. № 3. С. 68–76.
7. Якобсон Р.О. Морфологическое наблюдение над славянским склонением. М., 1958. С. 4.
8. Гладкий А.В. К определению понятий падежа и рода существительных // Вопросы языкознания. 1969. № 2. С. 111.
9. Падучева Е.В. Об описании падежной системы русского существительного (Некоторые вопросы омонимии при машинном переводе) // Вопросы языкознания. 1960. № 5. С. 108.
10. Денисевич Г.В. О падежных флексиях существительных на А в местных говорах // Уч. записки Курского государственного педагогического института. IX. Гуманитарный цикл. 1959. С. 163.

Москва